

Кончается время (памяти Ю. М. Барбоя)**Time Comes to the End (to memory on Yu. M. Barboi)**

Не совпадение, а закономерность: в этом же номере «Ярославского педагогического вестника» публикуется вторая часть статьи Юрия Михайловича Барбоя, который ушел из жизни в последний день 2017 г. Утром того, последнего дня он еще писал мне, откликаясь на получение первой части статьи («Ярославский педагогический вестник», 2017–6).

Для коллег и прямых учеников – утрата, для многих – боль и источник горечи. Я не была ученицей, как с коллегой и другом общалась с Юрием Михайловичем около 30 лет, а до того знала в нескольких его важных ипостасях.

Одна из самых значимых его ипостасей, чего просто не могут понять современные, в возрасте около 40 лет, театроведы, режиссеры или актеры (а их всех Барбой учил в Ленинградском институте театра музыки и кинематографии, переименованном затем в Санкт-петербургский, а теперь называющийся Российским институтом сценических искусств) – это ипостась, которую можно назвать «человек театра». Не представитель богемы, не расхристаный вольнодумец или вещатель истин – человек, реально работавший в театре и потому знавший цену творчества и профессий в театре. На рубеже 1960–1970-х Юрий Михайлович – худенький, на вид застенчивый, бесконечно куривший (это с ним осталось до конца жизни), с неожиданно решительными интонациями раскатистого голоса, тогда он работал в знаменитом Ленинградском театре комедии, который после смерти основателя, великого ирониста Н. П. Акимова, возглавил интеллигентный и совсем не годившийся для распространенных тогда битв с чиновниками и собственными артистами В. С. Голиков. Должность Барбоя называлась «завлит» – заведующий литературной частью театра. Сегодня и об этой должности, и об этом статусе, и об этой работе, да и о людях, которые входили в этот круг, даже в узкой театральной сфере мало что знают, а уж за ее пределами – практически никто и ничего. Что за «часть», чем человек «заведует»? Но в то время

это были особые люди, в основном женщины, читавшие сотни пьес, писавшие сотни же рецензий на них, подлинные наперсники руководителей театров – великих режиссеров (рядом с Г. Товстоноговым – Д. Шварц, рядом с А. Эфросом – Н. Скегина, рядом с О. Ефремовым в «Современнике» – Е. Котова).

Самое главное свойство, без которого не было «завлита», – это искренняя любовь к театру вообще и к своему театру в особенности, вера в театр и полное доверие со стороны главного режиссера. В те времена в театрах не было PR-службы, вся реальная коммуникация с прессой (да не просто с прессой, а с конкретными критиками, из которых кто-то этот театр ценил, а кто-то к нему относился не слишком хорошо), не говоря уже о коммуникации с живыми драматургами, – это была работа завлита. Не публичные, но известные, влиятельные, но не подававшие виду люди, не имевшие морального права выступать как критики – то есть не писавшие рецензии ни на спектакли «своего» театра, ни на спектакли других театров (именно Акимов пошутил, сказав, что завлит, пишущий рецензии, подобен вратарю, который судит футбольный матч из своих ворот) – завлиты были подлинными знатоками театра и подлинными авторитетами в театре.

Вот почему Ю. М. Барбой, который ушел, а по сути был изгнан из Театра комедии вместе с В. С. Голиковым, стал с конца 1970-х гг. преподавать историю русского театра, а главное – вести семинар по театральной критике (собственно и сугубо профессионально сориентированные на будущих театроведов занятия) не как человек со стороны, а как человек изнутри театра.

В первых репликах, опубликованных после смерти Юрия Михайловича, не столько младшие коллеги, сколько журналисты со стороны успели назвать его не только единственным и последним теоретиком театра, но и великим. Точно знаю, что для Барбоя эти прилагательные были бы поводом поиронизировать, хотя его ирония не была злой, но резкой – да, бывала. Стоит сказать, что,

несмотря на свой опыт (критика, завлита, педагога) и статус (профессор, заведующий кафедрой, председатель совета), он был человек принципиально не назойливый, вовсе не категоричный, хотя в суждениях, что естественно, часто субъективный, принципиально не самовлюбленный.

Теоретик? С одной стороны, его докторская диссертация «Структура действия и современный спектакль» и изданная через десять лет после защиты книга с достаточно обтекаемым названием «К теории театра» и по терминологии, и по стремлению к строгости соблюдения норм работы с научным аппаратом – все это имело серьезный теоретический потенциал. Но если учесть, что, в отличие от теории музыки или теории кино, теория театра не имеет конституированного корпуса понятий, идей, да и трудов, – конечно, не теоретиком театра был Барбой. Он был подлинным профессионалом в более широком смысле: историком театра, знатоком проблем и идей, но в то же время человеком, которого жизнь научила не то чтобы скромности, но аккуратности в обращении с чужим творчеством.

Мне представляется, что открытый к общению, заботившийся о коллегах, сохранивший кафедру русского театра в ведущем российском театральном институте Барбой был (и, скорее всего, ощущал себя) человеком в профессии одиноким. Он не был активно действующим, пишущим критиком, не желая бежать-догонять любой премьерный повод и угождать изданиям, которым было удобно иметь оценочные, а не аналитические тексты о спектаклях. А его теоретические статьи, могу сказать с радостью, но теперь уже и с горечью, в последние несколько лет публиковались только в нашем журнале, где мы сегодня вспоминаем его.

Казалось бы, нельзя назвать одиноким в профессии человека, которому удалось выпустить учебник под названием «Введение в театроведение», где небольшие разделы написали все реально действующие преподаватели кафедры, которой он руководил. Одиночество я вижу в том, что его предшественники по кафедре (А. З. Юфит, В. А. Сахновский-Панкеев, С. Л. Цимбал, Б. О. Костелянец, Е. С. Колмановский), которые могли спорить друг с другом, ревновать, отторгать друг друга и работы друг друга, все же были в определенном кругу. Он же, после быстрого ухода из жизни этих людей, стал и заведующим кафедрой, и буквально следом за защитой докторской диссертации, председателем диссертационного совета. Стали

появляться младшие, которым, впрочем, уже тоже и за 50, и за 60 лет, а главное – именно другие. Парадоксально, но из того поколения, к которому принадлежу я (мы во второй половине 1970-х защищали в ЛГИТМиКе свои кандидатские диссертации молодыми, в 25 лет или чуть позднее), ни один театровед «ленинградской школы» не стал доктором наук. Сам же Юрий Михайлович стал доктором наук и взялся за возложенный на него груз не из честолюбия, которое вообще было не его признаком, и не из безумного альтруизма, которого в принципе не понимал, а из чувства долга, которое есть генетический признак людей театра. Конечно, не всех, но тех, как говорил известный литературный персонаж, «из раннего времени».

Моя докторская диссертация защищалась в руководимом им совете всего через три с небольшим года после его собственной защиты. И он очень смешно «строил» меня на докторскую защиту, торопил, непедagogично убеждая, что нельзя читать все новые книги, надо когда-то и остановиться; надписал перед моей защитой подаренный в качестве образчика свой автореферат: «... доктору от доктора: это не больно».

Барбой хотел и мог окормлять профессиональную среду, но уровень востребованности его возможностей, его таланта наблюдательного и погруженного в процесс критика был невелик. Да, были разные комиссии и жюри (он сверхаккуратно посещал спектакли, о которых надо было принимать решения). Была уже упомянутая работа по руководству диссертационным советом, где он читал все рукописи, не передоверяя ни формальности, ни содержательные решения кому-то другому. Казалось, что в ходе заседаний он испытывал неловкость от необходимости соблюдать формальности и облегчение при возникновении живых дискуссионных эпизодов. Слушал – и на своем совете, и на нашем, – не отвлекаясь на чтение и почеркушки, на разные гаджеты, к которым, впрочем, был равнодушен.

Было особое отношение к коллегам, ровесникам и младшим: он умел видеть достоинства и хвалить. Об одной он говорил, что лучше никто не владеет источниковедческим инструментарием. О другой – что она (именно она, себя он в этот ряд не ставил) является настоящим теоретиком театра. О третьей или о четвертой – что они критики милостью божией... Впрочем, коллег и, что для них было неприятно, подчиненных он не заставлял работать, рассказываясь в этом, не за-

ставлял преуспевать – писать книги, получать гранты, наконец, защищать диссертации.

Честно и не в обиду его ближнему окружению говоря, Юрий Михайлович видел неуклонное понижение профессионального уровня, для поддержания которого нужны были совместные усилия, а каждый вокруг него находился в своей аудитории, у своего компьютера, в своем театральном зале. И, бывая у нас в университете – как член диссертационного совета или участник конференций, – просто и, кстати, без горечи, поскольку все же «наше» было в какой-то степени общим, выросшим на ленинградской почве и экстраполированным в Ярославль, говорил: «Вы делаете то, что мы не смогли, объединяете и имеете перспективу».

Общие воспоминания и интересы, разные профессиональные оценки и сходные критерии, приватное общение, словечки, намеки, кажущаяся незначимой, пока она существует, обыденность остаются в кругу, не предназначенном для публичного обсуждения. Кончается время жизни человека, который был замечательным, уникальным коллегой и добрым другом. За нами – изучение работ студентами и аспирантами, понимание принципов и проявление единомыслия не просто на уровне цитирования. Память...

(Т. С. Злотникова)